

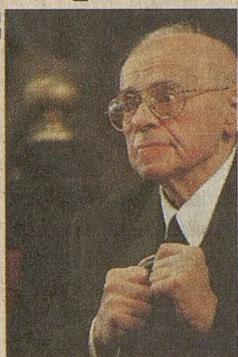

РИСУНОК АНДЕЯ СЕПОЖНИКОВА «ИЗВЕСТИЯ»

«Известия» предоставляют читателям возможность первыми познакомиться с не переведенным ранее романом классика мировой фантастики Станислава Лема «Диалоги», который вскоре выйдет в издательстве «АСТ». Знаменитый автор «Соляриса» и создатель легендарного пилота-космолетчика Пиркса говорил, что «эта книга, написанная в 1954–1956 годах, изданная в 1957 году, возникла из очарования кибернетикой».

Диалоги

Станислав Лем

Станислав Лем (1921), будущий знаменитый философ-фантаст, получил медицинское образование (учился во Львовском медицинском институте, а завершил учебу в знаменитом Ягеллонском университете в Кракове) и некоторое время был практикующим врачом. Его первые научно-фантастические рассказы и повести были опубликованы в 1940-х, а в 1950-х Лем оставляет занятия медициной и становится профессиональным писателем. Он почти сразу стал знаменитым. С начала 1970-х до середины 1970-х Лем оказался на взлете своей популярности. Именно в это время были написаны его самые громкие произведения: «Магелланово облако» (1955), цикл повестей о пилоте Пирксе и, конечно, «Солярис» (1961). В 1970-х Лема-беллетриста все больше вытесняет Лем-интеллектуал. Его тексты превращаются в шарлады, которые автор предлагает для решения читателю.

Филонус. Привет, друг. О чем ты одиноко размышляешь в этом прекрасном парке?

Гилас. А, это ты. Рад тебя видеть. Этой ночью я пришел к мысли, которая открывает перед человечеством беспредельные возможности.

Филонус. Что же это за бесценная мысль?

Гилас. Я пришел к убеждению (несомненно, бессмертному), что в будущем люди обретут бессмертие.

Филонус. Не ослышался ли я? То есть ты презрел материализм, которому был верен до сих пор?

Гилас. Никким образом. Мысль моя нисколько не противоречит материализму, напротив, следует из него неуклонным образом.

Филонус. Как интересно! Слушаю тебя, друг мой.

Гилас. Как тебе известно, не существует ничего, кроме материи. Эти тучи, эти осенние кроны, это неяркое солнце, мы сами, в конце концов, — все это суть материальные предметы, то есть скопление атомов; разнообразные же особенности тел происходят из различий атомных структур. Поэтому в наиболее общем смысле можно сказать, что существуют только атомы и их структуры. Так вот, я стал размышлять о том, почему наперекор течению времени я ощущаю себя все тем же самым Гиласом, который бегал здесь ребенком. И я спросил себя: что, это чувство индивидуальной идентичности вызвано идентичностью строительного материала, то есть атомов, из которых оно состоит? Но этого не может быть. Ведь мы знаем благодаря естественным наукам, что атомы нашего тела постоянно обновляются едой и питьем, а также воздухом, которым мы дышим. В костях, нервных клетках, мускулах неустанно заменяются атомы, заменяются так быстро, что через несколько недель все материальные частички, из которых состоял мой организм, уже носятся в речных волнах и среди облаков, я же продолжаю существовать и ощущаю себя все тем же самым Гиласом, который бегал здесь ребенком. Чему я этим обязан? Наверное, только неизменяемой структуре атомов. Посуди сам, новые атомы моего тела — не те же самые, из каких оно состояло месяц назад, но они такие же, и этого вполне достаточно. Поэтому я могу утверждать, что идентичность моего существования зависит от идентичности моей структуры.

Филонус. Согласен. И что дальше?

Гилас. В будущем люди станут все точнее копировать атомные структуры всех материальных созданий. Уже сейчас они способны создавать искусственные алмазы и сапфиры, искусственную мочевину и даже искусственный, синтезированный в ретортах белок. Таким образом, люди непременно овладеют в конце концов искусством создания молекул живого тела и самого живого тела из атомов. И тогда они обретут бессмертие, ибо будут в состоянии вернуть к жизни любого умершего, тщательно соединив атомы в структуру, формировавшую тело при жизни. Этот процесс воскрешения будет, как мне кажется, происходить внутри машины, в которую введут соответствующую схему, своего рода план, то есть структурный образец определенного человека, после чего механизм создаст из атомов белковые частицы, клетки, сухожилия, нервы — и этот человек выйдет из него живой и здоровый, исполненный радости жизни. Что ты на это скажешь?

Филонус. Скажу, что проблему следует рассмотреть всесторонне.

А теперь узнай, какую смерть приготовил тебе тиран. Ты выпьешь чашу быстрого действия яда. Агония будет продолжаться час.

Гилас. Да что же тут еще рассматривать? Такой механизм мы сегодня построить не в состоянии, однако развитие науки убедительно свидетельствует, что в будущем мы сможем его построить, а для нас, философов, несущественно, произойдет это через тысячу лет или через миллион. Как я уже сказал, в природе нет ничего, кроме атомов и их структуры. И прежде всего нет никакой бессмертной души, улетающей в иные миры после смерти. Поэтому тот, кто постигнет искусство соединения атомов в структуры давно истлевших тел, сможет вернуть к жизни эти тела в их первоначальном облике с их функциями. Кто составит уже умершего человека заново из атомов — тот и увидит его в полном здравии, пусть даже скончавшийся столетия назад был погребен в земле...

Филонус. Ты так думаешь? Замечательно. Позволь тогда задать тебе пару вопросов, и из твоих ответов я смогу яснее представить себе предлагаемый тобой механизм воскрешения из атомов.

Гилас. С большой охотой.

Филонус. Отлично. Представь себе, Гилас, что суждено тебе сегодня умереть, ибо ты попал в руки тирана, который торжественно постановил лишить тебя жизни, и у него имеются неограниченные возможности исполнить это. Время казни определено на семь утра. В шесть, как раз об эту пору, снедаемый печалью и страхом, ты отправляешься на последнюю в твоей жизни прогулку, встречаешь меня и рассказываешь мне о своем несчастье.

Ты согласен принять такое вступление к дискуссии об этой воображаемой ситуации, где ты будешь осужденным на смерть, а я — твоим другом, жаждущим тебе помочь, и одновременно изобретателем машины для воскрешения из атомов?

Гилас. Согласен. Говори.

Филонус. Бедный Гилас! Ты должен погибнуть, о горе, о ужас! Но ведь ты материалист?

Гилас. Да.

Филонус. Тогда все складывается великолепно. Я как раз сконструировал машину, о которой мы столько говорили в последнее время. Копии, которые я произвожу с ее помощью, ничем не отличаются от оригинала. Человек, сложенный моей машиной из атомов, не только телесной наружностью повторяет оригинал, но и обладает такими же характеристиками мышления; в качестве примера приведу здесь память — как тебе известно, она зависит от определенных индивидуальных особенностей структуры мозга. Так вот, моя машина воссоздает копию со всеми особенностями строения мозга, включая память о прошлых событиях, с мыслями, воспоминаниями и желаниями. Короче, мой Гилас, когда через час ты подвергнешься насилию и умрешь, не успеет еще твоя оболочка остыть, а я уже запущу машину, и из таких же атомов, из каких сейчас состоит твое тело, создам живого, мыслящего Гиласа. Ручаюсь тебе. Ну что, ты рад?

Гилас. Конечно, конечно, многократно «да». Только ты должен исследовать мою атомную структуру, чтобы ввести ее в машину.

Филонус. Ну, разумеется. Позволь только, друг мой, укрепить твою уверенность в том, что ты переживешь собственную смерть. Ты знаешь меня, веришь моим словам, моим заверениям, однако созданный человеком вещь несовершенна, а в данном случае необходима уверенность. Поэтому разреши, чтобы того Гиласа, который должен стать твоим продолжением, я бы сделал уже сейчас. Он будет ждать твоей смерти, а после нее вместе с ним, то есть с тобой, мы предадимся радостям воскресенной жизни.

Гилас. Что ты говоришь, Филонус?

Филонус. То, что ты слышишь: для укрепления твоей уверенности я создам твою копию уже сейчас...

Гилас. Но это же абсурд!

Филонус. Почему?

Гилас. Это будет отдельное от меня, чуждое существо!

Филонус. Ты так считаешь?

Гилас. А как же иначе? Этот человек, может, и будет бесконечно на меня походить, все его будут за меня принимать, он будет испытывать те же самые эмоции, желания, привязанности, даже работу, начатую мной, он закончит в том же духе, но это буду не я! Это будет двойник, как бы близнец, я же умру навсегда!

Филонус. Откуда такая уверенность?

Гилас. Потому что, если ты создашь его теперь и он будет здесь присутствовать, то я буду о нем говорить «он», как о любом другом человеке, и увижу его внешним по отношению к себе — это будет другое, отдельное от меня, совершенно иное человеческое существо, как каждый человек, и то, что мы с ним будем похожи как две капли воды, ни в малейшей степени не уладит моей смерти. Конечно, из продолжающих жить, для моих родственников он станет иллюзией моего существования, законченной и совершенной, но — я — я умру и жить уже не буду.

Филонус. Откуда такая уверенность?

Гилас. У тебя не может быть сомнений по этому поводу, Филонус, ты только испытываешь меня. Ведь если бы ты поднял с земли вот этот мокрый, увядший лист и поддал бы «другому Гиласу», если бы он здесь стоял, то это ведь он бы вдыхал и обонял его дивный терпкий запах, а не я. И то же самое произошло бы и после моей смерти, поскольку в результате моей кончины в моем двойнике ничего бы не изменилось, ничего бы нового не возникло. Он будет дальше гулять по миру, радоваться его красоте, я же при этом полностью перестану существовать.

Филонус. Да? Хм, и что же делать? Скажи, что я должен сделать с машиной, чтобы гарантировать твоё воскрешение?

Гилас. Очень просто. Ты должен создать мою живую и мыслящую копию после моей смерти.

Филонус. Ты так думаешь?

Гилас. Да.

Филонус. Копия, созданная после твоей смерти, будет тобой, а созданная до твоей смерти — будет не тобой, а человеком, пусть даже бесконечно похожим, но другим? В чем же разница между двумя этими существами? Объясни, пожалуйста.

Гилас. Во-первых, тот, кто создан до моей кончины, видел бы меня, а я — его, он будет знать, что я умираю, а он — вновь создан, он будет...

Филонус. Если препятствие только в этом, я его без труда устраню: копия, выпив сонного зелья, и в том и в другом случае будет сладко спать и проснется лишь после твоей кончины, так что она ничего не будет знать о неприятных событиях, связанных с твоей смертью, а также о том, как сама она появилась на свет.

Гилас. Нет, не в этом дело. Вижу, Филонус, я не все продумал. К этой проблеме следует приступить, вооружившись разумом, а не оружием разума. В то мгновение, когда я умру, во всем мире не найдется способа, чтобы определить, я это или только моя копия. Верно?

Филонус. Верно.

Гилас. А если бы ты сделал копию заранее, то легко было бы доказать, что она мною не является, потому что копия существовала бы какой-то период одновременно со мной, она занимала бы в пространстве место наряду со мной. Таким образом, это было бы сосуществование, ipso facto исключающее продолжение. Да, теперь я вижу, в чем заключалась ошибка. Копия, созданная после моей кончины, будет мной, созданная же до — будет другим, чужим, отдельным человеком. И не говори, что ты можешь произвольно перемещать во времени момент создания так, что в конце концов одна миллионная доля секунды будет отделять мое воскрешение от создания чуждого мне двойника. Не говори так, поскольку, хотя это и странно выглядит, так и должно быть. Особенная ситуация порождает и особенные последствия.

Филонус. Хорошо. Итак, ты утверждаешь, что копия соединений атомов, возникающая до твоей кончины, будет человеком, абсолютно тебе чуждым, с которым тебя не связывает ничего, кроме чрезвычайного подобию. Копия же, созданная после твоей кончины, будет твоим продолжением, то есть самим тобой, так ли?

Гилас. Так.

Филонус. А можно узнать, чем эти копии отличаются друг от друга?

Гилас. Временем создания. Существующие копии одновременно со мной исключают продолжение, существование же в будущем времени относительно меня, после моей кончины, делает его возможным.

Филонус. Так ты говоришь, что существование копии после твоей кончины делает продолжение твоего существования возможным? Великолепно. А теперь узнай, какую смерть приготвил тебе тиран. Ты выпьешь чашу быстрого действия яда. Агония будет продолжаться час. Когда я должен привести в действие свою машину?

Гилас. Когда я перестану жить окончательно.

Филонус. И если тогда я создам копию, она будет продолжением тебя, то есть самим тобой?

Гилас. Созданная после моей смерти — будет.

Филонус. Очень хорошо. А если злобный тиран велит своим медикам, чтобы тебя, умершего от яда, снова оживили известным способом вливания в горло противоядия через гусиное перо, то что тогда произойдет? Копия, созданная машиной после твоей смерти, была, как ты сам признал, тобой. А вот теперь, в результате твоего воскрешения на месте казни, перестанет ли внезапно копия быть тобой и в одно мгновение станет полностью чуждым тебе человеком?

Гилас. Как же можно меня, уже мертвого, оживить?

Филонус. Это, несомненно, легче, чем создать машину для воскрешения из атомов. Дорогой мой Гилас, мы обсуждаем технические или философские детали? Разве существует какой-нибудь основополагающий принцип, препятствующий возвращению к жизни только что умершего? Разве хирурги не в состоянии уже сегодня оживить умерших на столе во время операции? Ты об этом не знаешь? Скажи мне, пожалуйста, что же станет с этой копией, которая уже была твоим продолжением, что станет с нею в тот момент, когда ты, ошеломленный, оживешь? А может быть, это уже не ты воскреснешь в своем первоначальном теле, а кто-то совсем иной?

Гилас. Это исключено. Разумеется, это я воскресну в том теле, которое тиран лишил жизни ядом. А копия перестанет тогда, в силу порядка вещей, быть моим продолжением.

Филонус. Ах так? Но посмотри, Гилас. Попробуй представить, что именно ты являешься этой копией. Вот, скажем, показываю я тебе машину и говорю, что именно в этот момент (минутой назад) ты вышел изнутри. Ты чувствуешь себя, конечно, Гиласом до кончиков ногтей — потому что машина воссоздала тебя полностью. И вот представь себе, что это ты «тот Гилас», который находился во власти тирана, был час назад отравлен, а как раз в этот момент медики противоядием вернули его к жизни.

Почувствуешь ли ты какое-нибудь изменение своей личности в результате этого отстраненного от тебя события?

Гилас. Нет.

Филонус. Вот видишь! Копия является живым, нормальным человеком (это происходит из предположения), и в ней не могут происходить никакие изменения, зависящие от того, что происходит с «оригиналом». Пьет ли он во время казни яд или противоядие — копии это не касается, не изменяет ее. И мы можем сделать вывод: поскольку нет никакой причинной связи между тобой, перипетиями твоей жизни и тем Гиласом, личностью, созданной машиной, через год ли, при жизни ли твоей или после твоей смерти, для тебя он в любом случае (при всех условиях) является чужим человеком, с которым у тебя нет ничего общего, кроме обескураживающего подобию. То, что одновременно существование с копией исключает преемственность, — с этим я согласен. Однако то, что копия, возникшая после твоего уничтожения, действительно является тобой, то есть что такая вероятность открывает перед тобой возможность возобновленной жизни, — это нуждается в доказательствах. Пока что все противоречит такому пониманию вещей.

Гилас. Подожди. Как ты чудно все запутал. Вот мое тело... Когда оно умрет и будет уничтожено, тогда сможет возникнуть ана-

Будешь ли ты воскрешен, зависит от того, насколько быстро снимут твои останки, правильно я тебя понимаю?

логичная структура в будущем... А! Понял! Знаю! Следует поправить с созданием копии до того момента, пока тело мое перестанет существовать, пока его структура не исчезнет полностью.

Филонус. Следовательно, будешь ли ты воскрешен, зависит от того, насколько быстро снимут твои останки, правильно я тебя понимаю? Таким образом, воскрешение зависит от скорости разложения твоего тела. А если тиран прикажет тебя забальзамировать, ты же, никогда не оживешь?

Гилас. Нет, чтоб тебя, не так! Видимо, придется абстрагировать рассуждения от живых существ. В размышлении о человеке, очевидно, вкрадывается некий вносящий помехи фактор — страха или беспокойства. Попробуем, рассуждая на эту тему, рассматривать неживые предметы. Вот у меня тут драгоценная камея, вырезанная из кости. Вот я ее расплюскаю на атомы, а потом создаю из таких же атомов ничем не отличающую копию. Что можно сказать? Суть дела представляется мне так: если мы условимся, что копия — продолжение оригинала, то она им будет. Если же мы решим, что она им не является, то она им и не будет. Условие зависит только от нашей договоренности, потому что при исследовании камей «предыдущей» и «последующей» никакой разницы между ними заметить невозможно — обе они ex definitione одинаковы.

Филонус. Наконец-то ты ясно представил суть проблемы. Итак, твой окончательный вывод применительно к человеку представляется следующим образом: когда ты умрешь в семь часов, а я воссоздам тебя из атомов, то в зависимости от того, как мы предварительно договоримся, ты будешь или не будешь жить дальше. А ты не находишь, что это абсурд? А если бы тебе пришлось умереть на операционном столе под ножом хирурга, но мастерство врачей вновь вернуло бы тебе жизнь, то ты так же будешь утверждать, что ты жив и нет в зависимости от того, как мы с тобой предварительно договорились?

Гилас. Как я вижу, трудность состоит в том, что по отношению ко всем вещам, объективно существующим вокруг меня, проблему преемственности решает произвольно принятая договоренность. Когда же аналогичный эксперимент происходит лично со мной, то сам этот принцип договоренности порождает абсурд. Не понимаю, почему так происходит. Ведь человек так же материален, как обломок скалы, льняная ткань или кусок металла!

Филонус. Я тебе укажу источник, из которого происходят недоразумения. Когда мы приступаем к определению преемственности существования некоего предмета, то предварительно (или одновременно с этим) следует установить конкретные способы, с помощью которых можно определить, наличествует преемственность или нет, то есть что как теперь, так и прежде это один и тот же предмет. Таким образом, приступая к определению порядка вещей, мы выбираем implicate (а иногда и explicate) методы, которыми мы будем определять состояние вещей. Мое же сознание дано мне без моего участия, и поэтому вовсе не от меня зависит выбор метода обнаружения у меня сознания в данный момент. Что касается других людей, то они могут воспринимать меня как предмет и относительно моего возможного существования после моей смерти и воссоздания из атомов могут произвольно устанавливать договоренности. Один только я не могу в этом участвовать. Это — общая проблема методологии.